

У 3221
А

ГАЛИЦКАЯ МИТРОПОЛІЯ

ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНИЕ

Н. Д. Тихомірова.

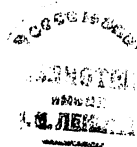

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня Е. Евдокимова. Троицкая улица, № 18.

1895.

А

34007-46.

2005347127

ВВЕДЕНІЕ.

Приступая къ нашему труду, мы заранѣе уже испытываемъ нѣкоторое смущеніе, опасаясь не выполнить той задачи, которая отъ насъ требуется. Дѣло въ томъ, что, рѣшаясь писать исторію Галицкой митрополіи и созерцая въ перспективѣ весь ходъ нашей работы, мы со скорбію наталкиваемся на печальнѣйшее для насъ обстоятельство—на скудость, спутанность и нерѣдко фальшивость того историческаго матеріала, на основаніи котораго мы думаемъ построить зданіе нашей исторіи. Правда, мы имѣемъ подъ руками историческій матеріалъ, нерѣдко съ опредѣленнымъ содержаніемъ, а иногда и съ драгоцѣнными историческими указаніями, но этотъ матеріалъ слишкомъ недостаточенъ и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніяхъ, чтобы на основаніи его создавать полную и подробно разработанную исторію Галицкой митрополіи. Въ разработкѣ историческихъ вопросовъ богатый матеріалъ даютъ обыкновенно хроники, лѣтописные своды и проч., но по нашему вопросу эти послѣдніе слишкомъ скупо дѣлятся своими указаніями, предлагая любознательному изслѣдователю или глухое, поистинѣ ужасное молчаніе, или же самыя общія, какъ бы мимоходомъ вырвавшіяся у лѣтописца, рѣдкія историческія замѣтки. Впрочемъ, русскія лѣтописи, при всей скудости церковно-историческихъ свѣдѣній, по крайней мѣрѣ, отличаются тѣмъ прекраснымъ качествомъ, что въ нихъ мы находимъ обыкновенно (хотя, впрочемъ, и не всегда) объективно-безпристрастную, чуждую фальши и намѣренной извращенности историческую быль. Нельзя этого сказать про лѣтописи не русскаго происхожденія—лѣтописи польско-литовскія (Длугоша *), Стрыйковского, Быховца), въ которыхъ легко можно замѣтить и раскраску скудныхъ извѣстій первоисточниковъ, и произвольное сопоставленіе ихъ свидѣтельствъ, и допол-

неніе ихъ по личному усмотрѣнію хрониста-лѣтописца ¹⁾). Но, обиженные и обездоленные лѣтописями, мы въ этомъ случаѣ можемъ утѣшиться, по крайней мѣрѣ, тѣмъ обстоятельствомъ, что онѣ составляютъ не единственный, да далеко и не главный источникъ, откуда мы можемъ почерпать нужныя свѣдѣнія по нашему вопросу. По обилію историческаго содержанія мы отдаемъ полное и всецѣлое преимущество предъ лѣтописями извѣстіямъ не русскаго или польско-литовскаго происхожденія, а извѣстіямъ, идущимъ изъ Константинопольской патріархіи. Мы разумѣемъ различныя грамоты Константинопольскихъ патріарховъ и отчасти — императоровъ, въ которыхъ находимъ упоминанія про существованіе въ то или иное время Галицкой митрополіи, находимъ нѣкоторыя имена самихъ Галицкихъ митрополитовъ и даже иногда болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія объ ихъ поставленіи ⁶⁾). Но, при всемъ томъ, мы съ приговоромъ должны сознаться, что мы все-таки располагаемъ слишкомъ небольшимъ количествомъ сырого историческаго матеріала. Недостаточность же его не можетъ, конечно, не отразиться на качествахъ нашей работы, на ея успѣшности и на ея результатахъ. Не имѣя подъ руками богатыхъ историческихъ данныхъ, мы *volens-nolens* будемъ вынуждены добавлять ихъ своими собственными соображеніями и догадками. Чувствуемъ, что въ этомъ случаѣ грозитъ намъ не малая опасность сбиться съ правильнаго пути, по которому долженъ идти истинный историкъ, и пуститься въ пространную область мечтаній и фантазій, свойственныхъ развѣ только однимъ романистамъ. Плоды всего этого могутъ оказаться весьма печальными, такъ какъ изъ-подъ нашего пера можетъ выйти не исторія Галицкой митрополіи, а исторія нашихъ фантазій о ней. А это послѣднее, конечно, всего менѣе желательно для насъ, такъ какъ мы думаемъ писать ничуть не романъ, а дѣйствительную исторію. Между тѣмъ мы хорошо знаемъ и помнимъ, какъ не легки тѣ условія, какія налагаетъ на себя и какихъ держится при своей работѣ мнящій себя истиннымъ историкомъ, а не романистомъ-мечтателемъ. Историкъ всегда долженъ стоять на почвѣ историческаго матеріала и его полагать въ основу своихъ изслѣдованій, допуская свои догадки только тогда, когда онѣ не только не противорѣчатъ историческимъ даннымъ, но, напротивъ, съ очевидностью ихъ подтверждаютъ и разъясняютъ. Это дѣло, конечно, не легкое, такъ-какъ оно предполагаетъ въ историкѣ не только умѣнье понимать сырой историческій матеріалъ и разбираться въ немъ, но и способность проникать въ его

¹⁾ Н. Дашкевичъ. Литовско-русс. госуд., условія его возникн. и прич. упадка (Унив. Изв. 1882 г. августъ, № 8, стр. 328).

глубокій, недоступный и невидимый для другихъ смыслъ,— предполагаетъ въ немъ такъ называемое „историческое чутье“, обладатель котораго научается читать не только по строкамъ, но и между строкъ, своимъ непосредственнымъ чутьемъ схватывая ихъ закулисный смыслъ. Слишкомъ было бы смѣло относить себя къ разряду такихъ идеальныхъ историковъ и потому естественно намъ приходится въ нѣкоторое смущеніе, еще не переступивъ и порога въ нашемъ изслѣдованіи. Но не будемъ заранѣе отчаиваться и постараемся сдѣлать все то, чего требуетъ задача нашего труда и что позволяютъ сдѣлать лежащій предъ нами историческій матеріалъ и наши собственные силы.
